

О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
(осознание себя в пространстве на материале языка)

С.М. Трофимова¹

В процессе исторического развития монгольского праязыка после выделения его из семьи алтайских языков в нем продолжалось сложение своего словарного состава, его усложнение, формирование различных лексико-семантических групп, отражающих разнообразные отношения человека с окружающим миром. Поскольку древние люди, в том числе и древние прамонголы, вначале древние охотники, рыболовы и собиратели, а впоследствии скотоводы-номады и охотники, вели подвижный образ жизни и активно взаимодействовали с окружающей их природой, в прамонгольском языке достаточно рано стал складываться комплекс лексики, отражающий разнообразные варианты ориентации в пространстве, как самого человека, так и окружающих его предметов действительности. Впоследствии при расселении монгольских племен в ареале Центральной Азии и образовании монгольских народов этот комплекс, вошедший из праязыка и в их племенные языки, продолжал развиваться и сохранился во всех современных монгольских языках.

При подробном изучении данного комплекса лексики удалось установить, что по своей внутренней структуре и значению составляющих его элементов он неоднороден и распадается, по крайней мере, на три группы. Первую группу составляют слова, отражающие ориентацию в пространстве относительно стран света. Вторую – слова, отражающие положение человека в пространстве. Третью – слова, отражающие положение других существ или предметов относительно каких-либо существ или предметов, находящихся возле говорящего. Рассмотрим ниже эти лексические группы подробнее.

1. Комплекс лексики, отражающей ориентацию в пространстве по отношению к странам света, представлен как в современных монгольских языках (мы привлекаем для исследования фактический материал только из достаточно развитых современных монгольских языков, имеющих сво. письменность и литературную форму, - халха-монгольского, бурятского, калмыцкого), так и в старописьменном монгольском языке. В каждом из исследуемых языков данный комплекс достаточно развит и разнообразен по составу терминов, называющих страны света, поскольку монгольские народы издревле различали не только 4 основных направления – север, юг, запад, восток, но еще 4 промежуточных – северо-запад, юго-запад, северо-восток и юго-восток. Монголы называют эту свою систему стран света *Дөрвөн зүг, найман зовхис* ‘Четыре

¹ Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия

страны света, восемь азимутов'. Термины, называющие в монгольских языках эти страны света и промежуточные направления, суть следующие.

Север: в халха-монгольском языке для его названия используются как отдельные слова, так и атрибутивные словосочетания со стержневым словом *зүг* 'сторона, направление', здесь отмечены такие термины, как *ар* 'север, северная сторона', 'северный' (букв. 'зад, спина; тыл, задняя, тыльная сторона'), *умар* 'север', *умард* 'северный', *умар зүг*, *умард зүг* 'север' (букв. 'северная сторона, северное направление'), *хойно* 'север', 'на севере' (букв. 'сзади, позади'), *хойт зүг* 'север' (букв. 'задняя сторона'), *хойноос* 'с севера' (букв. 'сзади, с задней стороны'), *хойш* 'на север' (букв. 'назад'), *хойгуур* 'севернее, северной стороной' (букв. 'позади, задней стороной'); в калмыцком языке используются термины *ар* 'север', 'северная сторона' (букв. 'зад, тыл, задняя, тыльная сторона'), *ар үзг* 'север', 'северная сторона, северное направление' (букв. 'задняя сторона'), *ард*, *ар үзгт*, *ар бийд* 'на севере', *арас*, *ар үзгэс* 'с севера', *ар үзгэд* 'на север, к северу', *арар*, *ар үзгэр* 'севернее, северной стороной'; в бурятском литературном языке, его восточных, южных и присаянских говорах относительно севера употребляются следующие термины: подобные монгольским *хойно* и *хойто зүг* с теми же значениями, а также те же формы пространственных падежей, что и в монгольском языке, - *хойноһоо*, *хойшо*, *хойгуур*. Значения этих падежных форм те же.

Юг: в халха-монгольском языке с этой страной света связаны следующие термины: - *өинө* 'юг', 'на юге', 'южный' (букв. 'ваереди'), *өмнө зүг* 'юг, южная сторона, южное направление' (букв. 'передняя сторона, сторона впереди'), *өмнөд* 'южный', *урд* 'юг', 'на юге', 'южный' (букв. 'передний'), *урд зүг* 'юг' (букв. 'передняя сторона'), *урдаас* 'с юга' (букв. 'спереди'), *урагш* 'на юг, к югу' (букв. 'вперед'), *урдуур* 'южной стороной' (букв. 'передом, передней стороной'); в калмыцком языке употребляются аналогичные термины *өмн* 'юг', 'на юге' (букв. 'впереди'), *өмн үзг* 'юг' (букв. 'передняя сторона'), *өмн үзгэс* 'с юга', *өмн үзгэд* 'на юг, к югу', *өмн үзгт*, *өмн бийднь* 'на юге; на юг', *өмн үзгэр* 'югом, южной стороной'; в бурятском литературном языке и его говорах, кроме эхиритского и нижнеудинского, используются *урда* 'юг', 'южный' (букв. 'передний'), *урда зүг* 'юг' (букв. 'передняя сторона'), *урда зүгтэ* 'на юге' (букв. 'в передней стороне'), *урдаһаа* 'с юга' (букв. 'с переди, с переней стороны'), *урагша* 'на юг' (букв. 'вперед'), *урдуур* 'югом, южной стороной'.

Запад: в халха-монгольском языке для названия этой стороны света применяют следующие термины: *өрнө* 'запад', *өрнө зүг* 'запад, западное направление', *өрнөд* 'запад', 'западный', *баруун* 'запад', 'западный' (букв. 'правый, правая сторона'), *баруун зүг* 'запад' (букв. 'правая сторона'), *нар шингэх зүг* 'запад' (букв. 'сторона, где заходит солнце'), *барууны* 'западный' (букв. 'правосторонний'), *баруун зүгт* 'на западе; на запад', *баруунаас* 'с запада' (букв. 'справа, с правой стороны'), *баруун тийш* 'на запад', *баруунишаа*, *барууниш*, *барууш* 'на запад', *баруугаар* 'западом, западной стороной, западнее'; в калмыцком языке здесь известны термины как подобные монгольским – *барун*, *барун үзг* 'запад' (букв. 'правый, правая сторона'), *барун үзгт* 'на западе; на запад' (букв. 'на правой стороне; на правую сторону'), *барунас*, *барун үзгэс* 'с запада'

(букв. ‘справа; с правой стороны’), *барунар* ‘западом, западной стороной’ (букв. ‘букв. ‘правее, правой стороной, по правой стороне’), так и свои – *нарн суух үзг* ‘запад’ (букв. ‘сторонаа, где садится солнце’), *нарн шиңгх үзг* ‘запад’ (букв. ‘сторона, где заходит солнце’), *деед бий* ‘запад’ (букв. ‘верхняя сторона’); в бурятском литературном языке и его говорах, кроме эхиритского и нижнеудинского, представлены по сути те же термины, в основе которых лежит бурятское прилагательное *баруун* ‘правый, правосторонний’: *баруун, баруун зүг* ‘запад, западная сторона’ (т.е. сторона, находящаяся справа, при ориентировании на полуденное солнце), *баруун зүгтэ* ‘на западе; на запад’, *баруулжа* ‘на запад, в западном направлении’, *баруун зүгһөө* ‘с запада’, *баруунһаа* ‘с запада’ (букв. ‘справа’), *баруугша* ‘на запад, к западу’ (букв. ‘направо, вправо’), *баруугаар* ‘к западу, западнее, западной стороной’ (букв. ‘правее, справа, правой стороной’), *барууханаар* ‘немного западнее’ (букв. ‘немного правее’), *баруулха* ‘идти к западу, идти на запад’.

Восток: название востока во всех монгольских языках ассоциируется главным образом со словом *зүүн* ‘левый, левая сторона’, есть и другие термины. Конкретно по языкам эти названия следующие: в халха-монгольском языке используются названия *зүүн, зүүн зүг* ‘восток, восточная сторона, восточное направление’ (букв. ‘левый, левая сторона’), *дорно* ‘восток’, ‘восточный’, *дорно зүг* ‘восток’ (букв. ‘восточная сторона’), *дорнод* ‘восток’, ‘восточный’, *нар гарах зүг* ‘восток’ (букв. ‘сторона, где выходит или рождается солнце’), *зүүн зүгт* ‘на востоке’, ‘на восток’ (букв. ‘на левой стороне; на левую сторону’), *зүүнээс* ‘с востока’ (букв. ‘слева, с левой стороны’), *зүүн тийш* ‘на восток’ (букв. ‘налево’), *зүүгээр* ‘восточнее, восточной стороной’ (букв. ‘левее, левой стороной’); калмыцкий язык использует термины *зүн үзг* ‘восток’ (букв. ‘левая сторона’), *дорд үзг, дор үзг, дорд бий* ‘восток’ (букв. ‘нижняя сторона’), *нарн харх үзг, нарн урһх үзг* ‘восток’ (букв. ‘сторона, где появляется солнце’), *зүн үзгт, зүн бийд, нарн харх үзгт* ‘на востоке’ (букв. ‘на левой стороне, на стороне, где выходит солнце’), *дор үзгт* ‘на востоке’ (букв. ‘на нижней стороне’), *дорас, дор үзгэс* ‘с востока’ (букв. ‘снизу, с нижней стороны’), *зүн үзгэд* ‘на восток’ (букв. ‘на левую сторону’), *доракишан* ‘на восток’ (букв. ‘вниз, ниже’), *дораһур* ‘восточной стороной, восточнее’ (букв. ‘низом, понизу’); в бурятском литературном языке и его говорах, опять-таки кроме эхиритского и нижнеудинского говоров, зафиксированы термины *зүүн* ‘восток’, ‘восточный’ (букв. ‘левый’), *зүүн зүг* ‘восток’ (букв. ‘левая сторона’), *дурна зүг* ‘восток, восточная сторона’, *зүүн тээ* ‘на востоке’, *зүүн тээшээ, зүүлжээ, у* западных бурят *зүүгшээ* ‘на восток’, *зүүн зүгһөө* ‘с востока, с восточной стороны’, *зүүхэнээр* ‘восточнее, восточной стороной’.

Названия промежуточных направлений между основными сторонами света в монгольских языках тоже широко представлены и однотипны по своей структуре: используются составные термины, включающие названия соответствующих названий четырех основных сторон света. Названия эти следующие: **юго-запад** в халха-монгольском языке называется *баруун урд, баруун өмнө, өмнө өрнө*; в калмыцком языке – *барун өмн үзг, деед өмн үзг*; в бурятском – *баруун урда зүг*; **юго-восток** в халха-

монгольском – *зүүн өмнө, зүүн өмнө зүг, зүүн урд зүг*, в калмыцком – *зүн өмн үзг, дорд өмн үзг*, в бурятском – *зүүн урда зүг, зүүн урда*; **северо-запад** в халха-монгольском – *умар өрнө, баруун хойно, баруун хойт зүг*, в калмыцком – *деед ар үзг, ар барун үзг, ар нарн суух үзг*, в бурятском – *баруун хойно, баруун хойто зүг*; **северо-восток** в халха-монгольском – *зүүн хойно, зүүн хойт зүг*, в калмыцком – *дорд ар үзг, ар нарн нарх үзг*, в бурятском – *зүүн хойно, зүүн хойто зүг*.

Как можно видеть из приведенного выше сравнительного материала из современных монгольских языков, содержащиеся в них комплексы лексики, отражающей ориентацию в пространстве относительно сторон света, в принципе однотипны как по содержанию, так и по структуре. Чувствуется, что они наследуют некую единую древнемонгольскую систему терминов, называющих страны света. Эта система основана на том, что как древние монголы, так и современные монгольские народы – халхи, калмыки, буряты – ориентируются на юг, в сторону солнца, находящегося в зените. Поэтому для них «юг» – это «перед, передняя сторона», а «север» соответственно «зад, задняя сторона, тыл». В таком случае «восток» закономерно окажется «слева, с левой стороны», а «запад» – «справа, с правой стороны». В халха-монгольском и калмыцком языках появились специфические названия для востока и запада, связанные с понятиями восхода и захода солнца: «восток» – это «сторона, где появляется или выходит солнце», а «запад» – «сторона, где садится солнце». Эти названия напоминают древнетюркские термины *küntoysuq, küntoysu* ‘восток’ (букв. ‘зарождение солнца’), *künbatsiq, künbatsi, künbatuŝ* ‘запад’ (букв. ‘заход солнца’). Этот принцип номинации сторон света сохраняется и в современных тюркских языках, например, в татарском, в котором *көнчыгыш* – ‘восток’ (букв. ‘восход солнца’), *көнбатыш* – ‘запад’ (букв. ‘заход солнца’). Ср. соответственные термины казахского – *күншыгыс, күнбатыс* и алтайского – *күнчыгыш, күнбадыш* языков. Появление этих терминов в халхаском и калмыцком языках можно объяснить древним тюркским влиянием.

По свидетельству В.И. Рассадина [1999, с. 10], в двух говорах современного бурятского языка – эхиритском и нижнеудинском – бытует иная система называния сторон света, в которой передней стороной является восток, восточная сторона, а задней – запад, западная сторона, при этом юг, южная сторона находится закономерно справа, а север, северная сторона – слева. У бурят-эхиритов термины ориентации по странам света зафиксированы в следующем виде: *урда зүг* ‘восток’ (букв. ‘передняя сторона’), *хойто зүг* ‘запад’ (букв. ‘задняя сторона’), *зүүн зүг* ‘север’ (букв. ‘левая сторона’), *баруун зүг* ‘юг’ (букв. ‘правая сторона’). У нижнеудинских бурят аналогичная система: *урякша* ‘восток’ (букв. ‘вперед’), *койшо* ‘запад’ (букв. ‘назад’), *зүүн тала* ‘север’ (букв. ‘левая сторона’), *баран тала* ‘юг’ (букв. ‘правая сторона’). Здесь явственно прослеживается ориентация на восток, на восход солнца.

Полную аналогию этой системе ориентации мы находим в древнетюркском языке, в котором *ilgaru* означает ‘вперед’ и ‘на восток’, *qurıǵaru* – ‘назад’ и ‘на запад’, *bergaru* – ‘направо’ и ‘на юг’, а *jirıǵaru* – ‘налево’ и ‘на север’. В современных тюркских языках подобную же восточную ориентацию можно видеть в тофаларском и якутском языках. При этом в тофаларском языке понятия “восток” и “на восток” передаются одним и тем же словом *буруңгаары* (букв. ‘вперед’), а понятия “запад” и

“на запад” - словом *соңгаары* (букв. ‘назад’). Юг обозначается словом *хүңгээри* (букв. ‘в сторону солнца’), а “север” и “на север” - словом *қараңгаары* (букв. ‘в сторону тьмы’). В якутском языке “восток” - это *илин* (букв. ‘передний; передняя сторона’), а “запад” - *аргаа* (букв. ‘задняя, тыльная сторона’), “север” - *хоту* (букв. ‘вниз по реке’), “юг” - *согуруу* (букв. ‘вверх по реке’). Подробнее об ориентации по странам света у якутов и о якутских соответствующих терминах см.: [Попов 1976, с. 86-93]. Таким образом, как можно видеть из материала, у тофаларов и якутов в данном случае наблюдается переплетение трех способов обозначения ориентации: 1) по отношению к говорящему (тофалары и якуты); 2) солярный принцип (тофалары); 3) по течению рек (якуты).

Эти принципы, которых всего насчитывается 4, для обозначения ориентации в пространстве в алтайских языках довольно подробно разработаны Г.М.Василевич [1971, с. 223-229] и Л.И.Сем [1971, с. 230-235].

Таким образом, ориентацию восточную, характерную для древних тюрков и связанную, видимо, с культом восходящего Солнца, сохраняют из монгольских народов нижеудинские буряты и буряты-эхириты, а из современных тюркских - тофалары и якуты. Данное явление можно объяснить, видимо, какими-то былыми связями предков этих народов.

2. В монгольских языках выработана также система подробного выражения ориентации в пространстве относительно говорящего. Здесь представлены термины, отражающие положение над говорящим или каким-либо предметом, под ним, возле него, позади него, перед ним и внутри него. При этом слова, называющие все эти положения, употребляются во всех монгольских пространственных падежах: дательном, исходном, а также древних направительном и транзитивном.. Термины эти следующие: х.-монг. *дээр*, калм. *деер*, бур. *дээрэ* ‘на, над, наверху’, далее соответственно *дээрээс*, *деерас*, *дээрэнээ* ‘сверху’, *дээш*, *деегшэн*, *дээшэ* ‘наверх’, *дээгүүр*, *деегүр*, *дээгүүр* ‘поверх, поверху’; х.-монг. *дор*, калм. *дор*, бур. *доро*, *дооро*, *доо тээн* ‘внизу, под’, далее соответственно *дорос*, *дорас*, *доороһоо* ‘снизу, из-под’, *доош*, *дорогш*, *доракшан*, *доорогши* ‘вниз’, *доогуур*, *доранур* ‘низом, понизу’; х.-монг. *хажууд*, *дэргэд*, калм. *хажуд*, бур. *хажууда* ‘возле, рядом’, далее соответственно *хажуугаас*, *хажуһас*, *хажууһаа* ‘сбоку’, *хажуу тийш*, *хажукишан*, *хажуу тээшэ* ‘вбок’, *хажуугаар*, *дэргэдүүр*, *хажуһар*, *хажуугаар* ‘боком, сбоку’; х.-монг. *хойно*, *ард*, калм. *ард*, бур. *хойно*, *арада* ‘позади, за’, далее соответственно *хойноос*, *араас*, *арас*, *хойноһоо*, *араһаа* ‘сзади, из-за’, *хойш*, *ар тийш*, *ар талакшан*, *хойшо*, *ара тээшэ* ‘назад’, *хойгуур*, *араар*, *арар*, *хойгуур*, *араар* ‘позади, задней стороной’; х.-монг. *урд*, *өмнө*, калм. *өмн*, бур. *урда*, *үмэнэ* ‘впереди, перед’, далее соответственно *урдаас*, *өмнөөс*, *өмнэс*, *урдаһаа* ‘спереди’, *урагш*, *уралан*, *өмэрэн*, *урагша* ‘вперед’, *урдуур*, *өмнэнүр*, *урдуур* ‘перед, передом, передней стороной’; х.-монг. *дотор*, калм. *дотр*, бур. *дотор* ‘внутри’, далее соответственно *дотроос*, *дотрас*, *доторһоо* ‘изнутри, из’, *дотогш*, *дотакшан*, *дотогши* ‘внутри’, *дотуур*, *дотранур*, *дотуур* ‘нутром, внутри, внутренней частью’; х.-монг. *Хооронд*, калм. *хоорнд*, бур. *хоорондо* ‘между’.

3. Лексика монгольских языков, отражающая ориентацию относительно говорящего и предмета возле него в общем совпадает с лексикой второй группы. В то

же время ее специфику составляют особые слова, называющие пространство впереди говорящего между ним и этим предметом, а также пространство, которое находится позади этого предмета, т.е. между этим пространством и говорящим находится предмет. Этими словами являются общемонгольские *наа* ‘пространство между говорящим и предметом’ и х.-монг., калм. *цаа*, бур. *саа* ‘пространство позади предмета’. Эти основы тоже употребляются в форме современных и древних пространственных падежей. Поясним это на конкретном примере, из которого ясно видно значение используемых словоформ: х.-монг. *голын цаана*, калм. *холын ца*, бур. *голой саана* ‘за рекой’, далее соответственно *голын цаанаас*, *холын цааһас*, *голой саанаһаа* ‘из-за реки’, *голын цааш*, *холын цааран*, *голой сааша* ‘за реку’, *голын цаагуур*, *холын цааһур*, *голой саагуур* ‘по той стороне реки, той стороной реки’; х.-монг. *голын наана*, калм. *холын на*, бур. *голой наана* ‘на этой стороне реки, по эту сторону реки’, далее соответственно *голын цаанаас*, *холын нааһас*, *голой саанаһаа* ‘с этой стороны реки’, *голын нааш*, *холын нааран*, *голой нааша* ‘на эту сторону реки’, *голын наагуур*, *холын нааһур*, *голой наагуур* ‘этой стороной реки, по этой стороне реки’.

Таким образом, как можно видеть из приведенного материала, система терминов ориентации в пространстве, представленная в современных монгольских языках, достаточно развита и почти полностью совпадает между языками, что свидетельствует о ее древности и о сложении в период прамонгольского языка. Тюркские элементы проникли в нее незначительно, причем только типологически в периферийных говорах бурятского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Василевич Г.М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
2. Попов Г.В. О терминах, обозначающих страны света в якутском языке // Якутский филологический сборник. Якутск, 1976.
3. Рассадин В.И. Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
4. Сем Л.И. К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

SUMMARY

Analyzing selected materials, the system of terms of self consciousness in space provided in the modern Mongolian language, is well developed and almost identical among these languages, indicating great antiquity and of the formation in the period proto-Mongolian language. Turkic elements penetrated into it slightly, and only typologically in peripheral dialects of the Buryat language.